

О Ч Е Р К И

Н. Чудин

НА ЮЦЕ

ПЕРВЫЕ ВСТРЕЧИ

Автобус идёт из Пятигорска на Юцу. За окном ровное поле, застеленное яркозелёным ковром озими. А ведь ещё совсем недавно, под августовским зноем, здесь медленно и величаво двигались комбайны, золотились копны, буртами лежало зерно.

В автобусе шумно. Громче всех говорит пожилая женщина в белом миткалевом платке в горошинку. Это — Голубенчиха из огородной бригады колхоза «Пролетарская воля».

Собеседница Голубенчихи — молодая, чернобровая колхозница из «Красного казака» — соседа «Пролетарской воли».

— Это уж так, милая, заведено, что каждый кулик своё болото хвалит,— говорила Голубенчиха.

— А что в прошлом году было? — возбуждённо отвечала чернобровая. — Мы бы и в прошлом году по семь рублей получили, ежели бы не промахнулись. Пойма рядом, а огородов ни клочка... Зато в это лето тридцать гектаров садов первородком идут, а вы на старых садах выезжаете.

— У нас и новые сады есть, — гордо отрезала Голубенчиха,— и новые есть и старые родят не плохо, и огородов на Юце не меньше ваших.

— Пролетарцы фермами хвалятся, — подлила масла в огонь краснощёкая девушка, — а что за горой делается, видеть не хотят.

— А что за горой?

— «Красный казак» свадьбу играет,— съязвил кто-то, В автобусе весело засмеялись.

— «Пролетарку» засватать хочет?

— А что вы думаете! Три-четыре года по одному, да по два рубля на трудодень получали, в этом году семь с полтиной. «Казак», милая, не стоит на месте. Годик-два и «Пролетарку» может нагнать.

— Что они фермами хвалятся, это не резон. В «Красном казаке» на стенах новой фермы ещё обмазка не высохла. А что? Не правда, скажете? Да «Пролетарке» такая ферма и во сне не снилась. Четырёхрядка, пол асфальтовый, всё электрифицировано. В «Пролетарке» навоз лопатами гребут, а у нас механически вывозят.

Голубенчихе не хотелось сдаваться. В «Пролетарской воле» нашла она своё счастье, и по её убеждению краше «Пролетарки» ничего нет.

— У вас семь с полтиной, а у нас тринадцать, а хорошо поработаем и это удвоить можем,— добродушно сказала она.— И у нас люди не сидят на месте.

Голубенчиха посмотрела в окно, и добавила:

— Догоняйте, на то и соревнование. Только гнаться вам, милая, будет дюже крепко...

— Ничего,— уверенно протянула чернобровая,— по овощам в этом году обгоним. Вы о пойме только думаете, а мы урожай будем снимать в этом году.

— То-то в ларьках у вас ломится, — заметил кто-то. — К «Пролетарке» весь город тянется.

— Ещё бы не тянулся. Шафран — в стране поискать, а помидоры, а капуста!

— В этом году и мы не хуже и не меньше выставим.

Хорошо слушать такой спор. Сколько в нём душевной гордости, веры, убеждённости!

— Покладистый человек, — степенно говорил в другом конце автобуса пожилой колхозник в белой косоворотке. — Неутомимый человек.

Речь шла о председателе колхоза «Пролетарская воля» Семёне Васильевиче Луценко.

Голубенчиха и тут вмешалась:

— Со всего света к нему люди идут. И недаром идут. Если заслужил — крепко выругает. А ежели работаешь хорошо — душу за того отдаст. Вот я вам расскажу: приезжает он как-то к нам в сады. Фруктов горы. Как раз сбор шёл. Подходит к кучке яблок и спрашивает. «А это что такое?» Бригадир поясняет: «Это погнили, на списание требуется». «Никаких списаний». Бригадир и так, и сяк: «Семён Васильевич, товарищ Луценко». «В колхозе никаких списаний не должно быть. Списывать нельзя, а приписать можно. Вот вам и припишем. За вашу нерадивость к общественному добру припишем». Сказал — отрезал... А ещё был такой случай. Присоединился к нам «Политотделец». Прямо, надо сказать, дела у них были плохие. Сколько работали, столько получали: к концу года полкило зерна да семьдесят копеек денег. Подались они к нам: принимайте! Приняли. Ну, многие взялись за дело. Трудовой человек он — хоть куда. А всё ж таки кое-кто работал как привык, не спеша, — всё равно, дескать, больше полкило не будет. Семён Васильевич и говорит им: «Пеняйте тогда на себя. У нас уговоров не бывает: хочешь работаешь, а не хочешь — как хочешь. Нянчиться с вами не будем». Однако взял Семён Васильевич с собой кассира и приехал туда — он же хитрый Семён Васильевич! Собрал собрание, посадил кассира у стола. «Давайте, говорит, пятисотников», значит которые по пятьсот трудодней имеют. Подошла колхозница, у неё трое детей малолеток и сама. Заработали они шестьсот трудодней. «Отсчитывай по семь, сколько это будет?» «Четыре тысячи двести», отвечает кассир. «Отсчитывай». Колхозница обомлела, чи брать, чи не брать. Таких денег в «Политотдельце» в руках не держала. Луценко улыбается. Приятно, когда у людей на душе хорошо. «Ну вот, говорит, а другие пусть подумают». Сказал так, и собрался уходить. Ждали речи, а никакой речи и не было. Только сказал походя: «Соседи на вас говорят, что вы лодыри, а я этому не верю. Есть такие, но не все. Возьмитесь за дело, да покажите, что вы и других перегнать сможете».

— Верно! — подтвердил колхозник в белой косоворотке. — Он такой. Хозяин. Печётся о деле. Приехало к нам однажды земельное начальство и говорит: «На овощи да сады налегаешь, а овец недооцениваешь. Не хочешь, говорят, разводить овец, недолюбливаешь ты их.хлопот лишних избегаешь». «Тут, говорит Луценко, признаться, вы правы. Подналечь нам маленько придётся. По раздолью нас с другими равнять, конечно, не следует, а до десятка тысяч довести поголовье овец можно». «А почему бы вам бычков кастратов не выхаживать?» — замечает начальство. Луценко посмотрел этак с хитрецей и покачал головой: дескать, говорите, а что говорите — сами не знаете. «Тут как раз вам на самих себя подналечь не мешает. Четыре сотни бычков второй год на «скотоводе» гуляют, а вы про это и не знаете».

— Вот так подстерёг! — подхватил кто-то. — Бычки уже доходы колхозу нагуливают, а земельное начальство только разводить их собирается.

Плотный мужчина лет пятидесяти с цыганской бородкой и живыми, но плутоватыми глазами, всё время сидел молча. Смотрел то на одного, то на другого, вздёргивал плечами, вроде выражая удивление, но молчал.

— Га!.. Бог! — вдруг раздался его густой бас.

Все обратили на него внимание, не поняв к кому это относилось.

— Кто? — недоуменно спросила Голубенчиха.

— Кто? — переспросил чернобородый. — Этот ваш Луценко. Юцкой бог! Вездесущий и всезнающий. Подхалимы!

Его грубость всех взбудоражила.

Голубенчиха, загородив рукой глаза от солнца, прищурилась и посмотрела на чернобородого.

— А-а, дорогой, опять появился? С какими же глазами на юцких людей глядеть будешь?

— Ты за мои глаза не пекись,— зло буркнул чернобородый.

— А кто такой? — вступилась в разговор дородная казачка.

— На руку лёгок, — спокойно заметила Голубенчиха. — Что своё, что чужое плохо разбирается. Известный он нам.

Чернобородый покраснел, но промолчал, а на первой остановке, там, где развилка дороги расходилась на четыре стороны,— соскочил с автобуса. Автобус тронулся, а человек остался один, как бурьянина среди ровной степи.

— Было это так, — громко начала Голубенчиха. — Приходит он к Семёну Васильевичу и такой это лисой прикинулся: «Прошусь, говорит, к вам в колхоз. Могу, говорит, и плотником, и кузнецом, чем хотите. И по садовой части я сведущий». «Что ж, говорит Луценко, мастеровых нам позарез надо. Сначала в горячую пору поработай в садах, а там видно будет». Работает, вроде хлопочет, старается. Колхозники в шутку «цыганом» его прозвали. Потом стали чудные дела с ним твориться. Пропадёт на сутки, на двое и—нет. Стали со стороны замечать: «что это ваш «цыган» по базарам шляется?» Дошли слухи до Луценко. Выслушал он и — ни гу-гу. По словам он человека сроду не накажет, ну ни за что, пока сам не уверится. И вот едет однажды ночью Семён Васильевич на своём «москвиче», смотрит подвода в кукурузу завернула. «Стой, говорит он шофёру, в кукурузяннике кто-то траву делает». Вошли в кукурузянник. Никого. Одни быки. Вот так задача! Под соломой полна бричка яблок, а никого нет. «Выходи, ездовой!» Выходит чернобородый. «Мне, говорит, бригадир поручил на усадьбу свезти». «Для чего?» «Не знаю». Луценко заворачивает его до бригадира. Приехали. Бригадир ни сном ни духом ничего не знает. «Вот что, говорит тогда Луценко, катись ты на все четыре стороны. Жалко мне твоих детей и жену... А то упёк бы я тебя под суд. Ты же, говорит, подлец, в своего родного брата карман залез. Какой же ты к чертям строитель будешь, если на общественное добро покушаешься».

— А вот это уж напрасно Семён Васильевич мягкосердечие проявил. Судить таких надо! Шкуры.

На той остановке, где должны были выходить колхозники из «Красного казака» чернобровая казачка добродушно сказала Голубенчихе:

— Ты не серчай на меня и не гордись, а возьми да загляни к нам. Дорогой гостьей будешь. Не всё к вам. И у нас поучиться есть чему. Новые электродоилки приспособливаем, подвесную дорогу скоро двинем... Милости просим...

Голубенчиха улыбнулась:

— Да разве ж я серчаю? Что ты! А заехать к вам, смекаю, надобно...

Автобус быстро пошёл под уклон. Перед нами выросли две голубоватых шапки гор. На склонах ближней горы, которая называется Джуца, ясно были видны пламенеющие деревья, обожжённые осенью. По обе стороны речки Юцы белели хатки с одинаковыми голубыми ставнями. А внизу под обрывистыми берегами, между диких кустарников дубняка, искрилась лента горной воды.

Это и есть конечная цель нашей поездки — колхоз «Пролетарская воля».

АЗГОВОР В ПРАВЛЕНИИ КОЛХОЗРА

Тридцать пять лет тому назад группа советских людей, мечтавших о большой жизни, организовала на берегах Юцы сельскохозяйственную коммуну, назвав её гордым именем «Пролетарская воля».

Днём люди трудились на полях. Ночью с винтовками оберегали своё добро.

Так жили люди, заложившие основу революции в сельском хозяйстве.

Начинали её с маленького: свели в коммуну три пары волов и пару немощных лошадей. Из «машинной техники» было два плуга, три бороны и одна старенькая сеялка.

Много воды умчала Юца с тех пор.

Сейчас колхозу «Пролетарская воля» помогает машинно-тракторная станция, в распоряжении которой тысяча машин. На колхозные фермы, в мастерские, в гараж и в дома колхозников подведено электричество. В колхозе четыре легковых и более тридцати грузовых автомобилей.

По сторонам широкой улицы тянутся ряды аккуратных домиков, обнесённых штакетником.

— Было тут две-три хатки да и то за версту одна от другой,— рассказывала Голубенчиха. — Теперь поглядите — люди строятся, строятся, строятся... Достаток. Без достатка дюже-то не размахнёшься.

Крайняя хата принадлежит доярке Прасковье Трофимовне Кобец.

У двора Прасковьи Трофимовны на солнцепёке дремала стая гусей. Бодрствовал лишь один из них, сторож. Высоко поднял он голову с оранжевой горбинкой.

В распадинах гор сверкают сотни белых домиков. За два последних года юцкие хутора выросли на триста пятьдесят новых домов и все они под красной черепицей, все в зелени садов. Люди осели здесь навечно, навсегда.

Из автобуса вместе с нами вышел молодой человек в зелёной шляпе, с кожаным чемоданом. Он долго шёл молча, потом неожиданно сказал:

— Я из Эстонии, инженер-электрик. Давно хотел попасть на Кавказ. О «Пролетарской воле» читал в газетах. Привлекало. Отдыхал в Кисловодске, под боком у колхоза. Написал жене — в контору возвращаться не хочется. Хочу проситься в «Пролетарскую волю». Переедем всей семьёй. Жена сразу согласилась: — просись. Вот я и иду проситься.

В правлении колхоза, куда мы зашли прежде всего, было до странности пустынно. О присутствии здесь людей говорило лишь щёлканье костяшек на счётах в комнате бухгалтерии.

— Нету. Они всегда на фермах и в поле, — объяснил нам сутулый старичок с белой бородой. — С утра и допоздна. В правлении бывают может токма вечером...

...Первой нашей встрече с председателем колхоза Семёном Васильевичем Луценко обстоятельства явно не благоприятствовали. На «скотоводе» (так называют здесь предгорную местность) волки сегодня забили овец. Несчастье это было редкостное и потому возмутило председателя колхоза до глубины души. Заглянув на минутку в правление, он немедленно отправился на место происшествия. Вместе с нами поехал и секретарь партийной организации колхоза Виктор Николаевич Русинов.

Высокий широкоплечий чабан неуверенно оправдывался:

— Люди стерегли, собаки стерегли... Отсёк, проклятый, шайку п в степь угнал...

— Вам-то как они голову не отсекли, — с сердцем говорил Семён Васильевич. — Вы-то где были? Так же всё хозяйство можно проспять...

Чабан лишь виновато развёл руками.

Снимали шкуры с убитых овец, не произнося ни слова, не глядя на председателя. В колхозе долгие годы любовно растили, берегли скот и, так уж повелось, что малейшая утрата считалась позорным явлением. О падеже скота здесь давненько забыли.

В правлении терпеливо ждал возвращения председателя инженер из Эстонии. Все прошли в просторный кабинет секретаря партийной организации Виктора Николаевича Русинова.

Русинов — педагог по профессии. Пришёл в колхоз по приливу партии. Лицо энергичное, говорит отрывисто и отчётливо.

Сейчас внимание всех обращено к инженеру.

— Я коммунист,— говорит тот.— Попросил партийную организацию разрешить мне перейти на работу в деревню, в колхоз, если, конечно, вам требуется электрик...

— Что ж, хорошо, — не торопясь, словно обдумывая что-то ответил Луценко. — Хозяин у нас—колхозное собрание, а не я. Оно всем распоряжается.

— Разумеется.

— А вообще такие люди нам нужны.

И как бы испытывая прочность человека, Луценко грубовато намечил:

— Особой должности такой, электрик, у нас нет. Но работы по этой части много. Нагрузку придётся нести изрядную.

— Знаю, — улыбнулся инженер.

— Сейчас вот готовимся к большой стройки. На двадцать тысяч кур фабрику строим. Лес нам вот так нужен,— Луценко чиркнул пальцем по горлу.— Лес государство нам даёт, но его надо отгрузить. В Архангельске. Вот вы и поедете...

Инженер в знак согласия кивнул головой.

Не присутствуй я при начале этого разговора, можно было бы подумать, что инженер этот давнишний работник в колхозе и председатель только на него и решился положиться в большом и ответственном деле. «Вот и поедете», как своему человеку говорит Луценко. А на лице инженера ни тени сомнения или колебания.

— О семье не думайте, она будет принята и устроена...

С минуту помолчав, Луценко обратился к нам.

— Были мы с Виктором Николаевичем вчера у новоалександровцев. Хорошие дела у них. Поучительные. Хозяйство размахнули. Однако смущает меня: полтора миллиона должны государству и ещё просят. Я думаю так: покрепче надо на свои собственные ноги становиться... Смотрели у сталинцев и птицефабрику. Хорошее дело. Будем строить и мы, но на свои средства,

— От семнадцати миллионов теперь танцевать можно,— вставил Виктор Николаевич.— Восемь миллионов от одного животноводства получили.

Разговор зашёл о планировании хозяйства. Луценко возбуждённо, горячо заговорил:

— План — это жизнь! А в крайплане понимают по-другому. Я сегодня только оттуда. Чуть не подрались! Партия и правительство говорят нам: думайте сами на месте, рассчитывайте так, чтобы каждая отрасль была высокодоходной. Вот мы и думаем прибавить ещё триста коров,— не надо забывать, что мы около курортов расположены, молоко и масло большим вот как нужны. А в крайплане мне говорят: нет! прибавьте тысячу овец.

Луценко торопливо вынул карандаш из кармана гимнастёрки и стал писать цифры на листке бумаги.

— Давайте грубо прикинем. Триста коров — это девятьсот тонн молока в год. Сколько это будет? Без малого два миллиона рублей. Да не только в двух миллионах дело. Важна сама продукция... Ну ладно. Теперь подсчитаем, что даёт тысяча овец... Я не против овец. Я за них. У нас их не было, теперь до десятка тысяч. Но у нас же не Арзгир и не Левокумка. Вот этого в крайплане не хотят понять и наверно для колхозов тех районов коров планируют.

ЧЕМ КОЛХОЗ СЛАВИТСЯ

Колхоз «Пролетарская воля» славится своим молочным скотом, высокими надоями молока.

Первая ферма колхоза — рассадник племенного поголовья. На ней идёт глубокая и терпеливая разработка методов повышения продуктивности скота путём отбора.

Поодаль от хутора первой фермы стоит аккуратный домик. В этом домике более полутора десятка лет работает зоотехник колхоза Фёдор Давыдович Науменко.

Одет Фёдор Давыдович в белый, очень чистый халат и, может быть, поэтому его легко принять за врача.

Надо было потратить немало усилий, чтобы вызвать Фёдора Давыдовича на откровенный разговор — по натуре он человек молчаливый, предпочитающий делать, а не говорить.

Наша ферма — это история, — говорит Фёдор Давыдович. — В большую книгу вряд ли её вложишь... Назовите коров Давта, Сирень, Земфира — вот вам история. С ними связано всё племя. Давты уже нет в живых. Мы берегли её до последних дней жизни. На поясах её подтягивали, из рук кормили. Берегли. Ведь она первое начало положила рекордным надоям. Пять с половиной тысяч литров за лактацию. Около четырёх процентов жира. За нею идут Сирень и другие. Но главное — люди. Молоко надо добыть, а для этого — увидеть и открыть качество каждого животного. Возьмите ту же Давту. Была сначала обыкновенной средней коровой. В течение пяти лет раздаивали. С одной тысячи литров довели почти до шести тысяч.

Разведением крупного рогатого скота колхоз занимается с первого дня своего существования. На помощь колхозникам пришла советская наука. Вместе с научными организациями они упорно борются за улучшение продуктивности животных.

Улучшение породы было задумано ещё тридцать четыре года тому назад. Создав молочко-товарную ферму, коммунары свели сюда коров самых различных пород: швицкой, голландской, симментальской, красно-степной и астраханской. Но для большой племенной работы такого скота было явно недостаточно. Коммунары привозили животных из Днепропетровска, Запорожья, Украины. Появились на ферме такие знаменитые производители, как Прибой, Борец, Строгий, Бедуин. Так было положено начало лучших линий красного степного скота в крае.

В 1941 году на Всесоюзной сельскохозяйственной выставке колхозники демонстрировали результаты своей коллективной творческой работы: лучшие коровы Мария, Лина, Пуля и Паночка давали свыше пяти тысяч килограммов молока за лактацию каждая.

После освобождения края от фашистских оккупантов племенную работу пришлось начинать колхозу заново. Снова выросли здания ферм, уничтоженных оккупантами, снова были выращены лучшие производители. Спустя десять лет упорной, самоотверженной работы, пролетарцы вновь смогли показать на Всесоюзной и краевой выставках новые результаты своего труда.

О первой ферме много писали в газетах, сообщали по радио. Многие доярки, работающие здесь, известны не только в стране но и за её пределами. И так хотелось познакомиться с ними, увидеть их, поговорить с Прасковьей Кобец, Дарьей Дьяковой, Марией Котовой, Ниной Супруновой.

Солнце стояло за полдень. Низко над землёй плыли серебристые паутины, — они всегда в погожие осенние дни летают над степью, над хуторами и нивесьть откуда берутся они.

К ферме мы подходили в тот час, когда коров загоняли в стойла. По длинному бетонированному полу коровы не спеша прошли каждая к своему месту.

Светло здесь и чисто. Солнечные лучи золотили спины коров. Массивные ширококостные животные спокойно стоят в ряд. Это вот они дают чуть ли не по шести тысяч литров ароматного жирного молока в год в среднем каждая. В 1953 году колхоз со всех своих семи ферм отправил государству более двух миллионов литров молока. Если подсчитать, то выходит: для перевозки этого молока требуется семь железнодорожных цистерн ёмкостью в шестнадцать тонн каждая. Продукция целой фабрики!

— Да, фабрика, — говорит Фёдор Давыдович. — Со своими специалистами, новаторами, изобретателями.

Чистота, опрятность. Ни соломинки лишней под ногами. А вот и они простые, скромные люди, знаменитые мастера рекордных надоев.

— Инженеры своего дела,— кивнул Фёдор Давыдович в сторону доярок, хлопотавших возле коров.

В прошлом году за перевыполнение плана надоя молока все доярки колхоза в порядке дополнительной оплаты получили около четырнадцати тысяч литров молока, в этом году они получают вдвое больше. Прасковья Кобец, Дарья Дьякова, Мария Котова, Нина Супрунов а дополнительно получили по полторы тонны молока. Математика! Около шести миллионов дохода, или сорок шесть процентов к общему денежному доходу от всех отраслей. В пятьдесят третьем году на сто гектаров пашни было здесь двенадцать коров, теперь шестнадцать. Надой был сто двадцать два центнера, теперь сто пятьдесят три. Всё решило обилие кормов: кукурузный силос, сено многолетних и однолетних трав, корнеплоды, зелёный конвейер. Строгий распорядок, бережливость, рациональное кормление.

Нина Сапрунова небольшого роста, подвижная, с весёлыми чёрными глазами, приводила в порядок молочную посуду. Разговор с ней сразу завязался задушевный.

— Тебя, Нина, кажется с новосельем?— улыбнулся ей Фёдор Давыдович.

— Фёдор Давыдович! Да какое же это новоселье, почти три месяца...

— Всё равно новоселье. Домик-то какой!

— Тридцать тысяч вложили. Вот только полы ещё не покрасили.

— То полдела. Главное дом выстроить.

— Дом-то выстроили... Вчера Семён Васильевич пришёл вечером на ферму. Собрал пас и говорит: «В край еду. Может привезти чего? Детишкам там ботиночки, или материал какой к октябрьскому празднику?». «Ну, что вы, Семён Васильевич, ни в чём мы в этом не нуждаемся. Детишки обуты, а материал мы сами в городе возьмём какой нужно. Трудно теперь на каждого за глаза угодить. Подавай нам шёлк». «Ну, хорошо, говорит Семён Васильевич, может машину послать за саженцами, чтобы около новых домиков сады посадить?» «Это—дело. Груши, яблони, абрикосы — обязательно надо». На том и согласились.

Нина Сергеевна аккуратно вытерла полотенцем руки.

— Хорошо на душе, когда видит твою работу, сердечно поговорят. Работа нам никакая не страшна, лишь бы ценили...

Дарья Кирилловна Дьякова только что сняла с коровы доильный аппарат.

— Полностью аппарат выбирает молоко?

— Смотря какая корова,— какая попридержит, какая совсем не даст. Хоть убей! Своенравный у них характерец. Вон Зорька, Земфира поначалу не хотели признавать никаких аппаратов. Подтянут молоко — и ни капли.

Дарья Кирилловна подвесила аппарат к Малинке. Не прошло и десяти минут, как на контрольной трубке не стало заметно движения молока. Малинка многим знакома по краевой сельскохозяйственной выставке. Длинная, ровнospинная красавица. За 192 дня Малинка дала колхозу в прошлом году четыре тысячи восемьсот двадцать литров молока.

Дарья Кирилловна кинула весёлый взгляд.

— В этом году хочу надоить от каждой коровы по пять тысяч литров.

— И надоите?

— Надою. Все силы приложу, а надою.

— Где же ваша прославленная Сирень?

— Сирень это не у меня, она у Марии Яковлевны Ко то вой.

— Сирень — элита-рекорд, — пояснил Фёдор Давыдович. —

Семь отёлов. Пять тысяч пятьсот сорок два литра молока в год.

Мария Яковлевна, сидя на низеньком стульчике, медленно, но точными движениями, массажировала вымя.

— Тебя поздравить надо, замуж вышла?

Котов а зарделась, встала во весь рост, стройная, высокая:

— Спасибо.

Ей ещё нет и тридцати. На ферму она пришла подростком. Закончила агротехнические курсы. А теперь кто не знает её имя? На Всесоюзной выставке она получила золотую медаль и премию. И Котову, и Дьякову и Кобец — всех отметили.

...Вечерело. За окном автомобиля плыли смутные очертания гор, далёкие степные огни. Семён Васильевич Луценко возвращался с поля и решил побывать на первой ферме.

Замелькали огни усадьбы. Светился огонёк и на первой ферме. Работу здесь закончили, но доярки не расходились. Они сидели в цедильной.

— Чего же сидите? Домой пора...

— Дом никуда не денется, — ответила Прасковья Кобец.

— Сидим вот и толкуем.

— О чём же толкуете? — поинтересовался Луценко.

Доярки переглянулись.

— Не так дела идут у нас, Семён Васильевич, — торопливо и с упреком сказала Дарья Дьякова. — Не так. А вот что идёт не так — и не придумаем.

— Ну что же, давайте думать вместе, — Семён Васильевич присел на табуретку. — Вон вас сколько, целая армия. Каждая по одному хорошему слову — гляди и придумаем.

Женщины заговорили сразу.

— Да погодите вы! Когда всё до кучи свалим, то толку из этого не будет. Говорите по одному, а потом общую черту подведём.

И стало так тихо, точно в комнате никого не было. За окном причудливо выкрикивала какая-то птица.

— Ну? — произнёс Семён Васильевич.

Осторожно, с расстановкой первая начала Прасковья Трофимовна Кобец.

— Живём мы в достатке, это всем известно, а на ферму поглядишь — душа болит. Не всё мы делаем. Скот у нас отменный, а дела идут как-то не так. Не так, Семён Васильевич! Нынешний день такой же, как и вчерашний. Ни прибавки, ни надбавки...

— Хороший скот, а не тот доход, — вставила Дарья Котов а.

— Не в скоте дело, — сказала Анна Тополь, — а в нас самих

— Дело и в скоте и в нас, — поправила Мария Подопригора. — Только по-иному надо вести работу. Меньше хвалиться, а больше делать. Надаиваем много, а можно больше, Каждый день толкуем об этом. Ну не знаем, что нам делать. Бывает же такое. Так пусть правление подскажет. А оно только и знай, что сводки спрашивает.

— Истинная правда, — подтвердила Прасковья Кобец. — Скажите, не так? Каждый день всё одно и то же. Кто-нибудь пришёл к нам, спросил: давайте подумаем, может, что нового найти можно?

Председатель сидел и терпеливо слушал. Но в высказываниях не было ясности, и ему это не нравилось. Он привык говорить прямо, чтобы понятно было всем, этого требовал и от других.

— Что же предлагаете? — спросил он.

— Работать по новому распорядку, — сразу ответили женщины.

— Дальше скотного двора ничего не видим...

— Ни скоту, ни нам покоя нет...

Луценко вскинул голову.

— Погодите вы трещать, чёрт побери. Какого вам распорядка захотелось?

— Праздничного... Сидеть и ничего не делать, как на курорте...

Женщины весело захохотали. Они знали вспльчивый, но добрый характер своего председателя и никогда не обижались на него. Они знали, что он дорожит их словом и обязательно доберётся до истины.

— Ну? — сдвинул он брови, — о каком порядке мечтаете?

— Вот, — сказала Прасковья Кобец, — хорошенько поговорить надо. Никто о покое не думал и не думает. Наш праздник— когда колхоз хорошо работает и когда в закромах полно. А ду-
маем мы о другом. Распорядок наш переделать надо. Так мы работать дальше не можем. Круглые сутки кружимся, себя и коров мордуем, а толк один и тот же. Ни с детьми досыта не побудешь, ни дома ничего не сделаешь. Жить-то получше хочется. Вот нынче «Судьбу Марины» привезли. Говорят, хорошая картина! Кто-то смотрит, а мы до полуночи на ферме пропадаем.

— Что ж, бросить скот и в кино?— усмехнулся Луценко.

— Не бросить, а порядок новый установить.

Председатель опять сдвинул брови.

— А порядок мы думаем завести такой, — сказала Прасковья Трофимовна,— не крутиться на ферме день и ночь. Доить не три раза, а четыре. Приходить на ферму два раза: утром и вечером, остальное время — отдых.

По лицу Семёна Васильевича доярки поняли, что предложение ему понравилось. Тогда они заговорили оживлённее и увереннее.

— Установить точные часы и для дойки и для дачи корма.

— И нам своё время полагается, и животным отдых требуется.

— Наука ж говорит, что и скоту нервы беречь надо.

Семён Васильевич загорелся. Полностью ещё он не представлял, что даст осуществление предложения доярок, но уловил в нём новое, которое сулило важную и полезную перемену. На самом деле! Люди круглые сутки находились на ферме. Им же в клуб,

в библиотеку пойти надо, на агротехнические курсы, в кино. В новом предложении колхозниц выделась определённая система работы фермы.

Семён Васильевич долго сидел молча. «При нынешнем порядке, так оно и есть, доярки целый день со скотного двора не уходят. Работу мы требуем, а о людях забыли».

— Хорошо! — сказал он. — А ну-ка, давайте прикинем, какой расчёт получится.

— Простой расчёт,— ответила за всех Прасковья Трофимовна.— Работу начинать с трёх часов утра. После первой дойки давать сочные и концентрированные корма. В шесть часов тридцать минут чистить коров и стойла. В семь часов — вторая дойка, в восемь часов даём силос и грубые корма, а потом до двух дня уходим на перерыв. После нас за коровами присматривает скотник и наводит порядки на дворе. С двух часов мы приходим снова и повторяем всё, что делали утром.

...Возвращался с фермы домой Семён Васильевич с каким-то уж очень радостным чувством, точно десяток лет рукой сняло. Ночь была тихая. И в ночной темноте плыла над хутором песня:

Под окном черёмуха колышится,
Распуская лепестки свои...
За рекой знакомый голос слышится,
Да поют всю ночь соловьи.

Было у Семёна Васильевича такое настроение, точно шёл он рядом с этими девушками и подпевал им о том, как поют соловьи...

Казалось, звёзды ещё ярче сверкали на небе. Из сквера тянуло пряным ароматом лилий и хвои. В этих местах хвойные деревья редкость, но привезли сюда когда-то несколько сосенок, и они ладно прижились.

Луценко потёр руки от удовольствия. Всё такое родное и близкое!

И чем дальше удалялись слова девичьей песни, тем нежнее становилась она.

— Хорошо, чёрт возьми! — прошептал Семён Васильевич.— Жить хорошо...

...Не прошло и полгода, как по колхозам стали распространяться интересные вести. Новый, двухцикличный распорядок дня в животноводстве заинтересовал многих. На

ферме «Пролетарской воли» всё чаще стали появляться гости из соседних районов, потом из отдалённых уголков края.

Раиса Маликова из колхоза имени Молотова, Минераловодского района, о юцких доярках прочитала в газете и решила проверить их новую работу сама. Долго и придирчиво изучала она, как кормят, как ухаживают за коровами, сколько надаивают молока пролетарцы. Вернулась в свой колхоз и сказала:

— Правильно у пролетариев дело поставлено. Надо и нам то же самое делать.

БОЛЬШЕ МАШИН!

В кабинете директора машинно-тракторной станции шумно, а находилось здесь всего два человека: председатель колхоза «Красный казак» Николай Иванович Невреев и директор станции Михаил Ильич Агнаев. Столкнулись два вспыльчивых, но твёрдых характера. Оба в прошлом фронтовики, оба великолепно научились носить любую тяжесть, которую на них взваливала жизнь. Надо было форсировать реки — форсировали; надо было в огонь идти — шли.

— Мало, понимаешь, мало! — почти кричал Невреев. — Нам нужны теперь картофелесажальные и рассадопосадочные машины. В пойме будем обрабатывать только квадратно-гнездовым.

Вы больше благоволите «Пролетарке», а на «Казака» внимания не обращаете.

— Для меня одинаково, что «Пролетарка», что «Казак». Будем тянуть и «Казака» и всех. Чего тебе не хватает? Ну, чего тебе не хватает?

— Многого.

— Конкретнее?

Невреев подошёл к столу, сел и уставился на директора.

— Я предлагаю создать садово-тракторную бригаду.

Директор станции вскочил со стула.

— Ты, может, предложишь всю станцию в твой колхоз перенести? У Луценко многие огороды вручную обрабатывают, а ты — бригаду...

— Это не делает чести ни тебе и ни Луценко... Не поддержишь, в горком пойду, пойду и добыюсь. Понимаешь, что значат для нас сады? Это же дополнительные резервы. Их же до сих пор во внимание не принимали. И поймой надо поплотнее заняться. С гектара можно снимать до пятисот центнеров капусты.

— Хорошо, — вдруг повеселел Маха ил Ильич. — Хорошо. Обсудим. Надо такую бригаду — создадим.

И в самом деле в «Красном казаке» таились огромные возможности, но никто не думал их использовать. Старый председатель колхоза был там человек, что называется ни то ни сё. Жизнь кругом бурлила, а «Красный казак» словно на островке — топчется на месте — ни взад ни вперёд.

К тому времени назревал вопрос объединения колхозов и вот «Красный казак» вобрал в себя четыре мелких артели. Старое руководство оказалось явно негодным для новых масштабов.

Тогда-то колхозники объединённого колхоза и избрали своим председателем бригадира Невреева.

Выбор оказался удачным. Невреев ставил перед колхозом новые и новые задачи, поднимал народ на большие дела, и колхозники, обретя хорошего руководителя, повеселели.

— Понимаешь, мы широким фронтом решили выходить на освоение подкумской долины, — убеждал Невреев директора МТС. — Но без техники там не размахнёшься. Вот почему я ставлю вопрос о садово-огородной бригаде.

Разговор шёл на такой высокой ноте, что Луценко услышал эти слова ещё не войдя в кабинет директора.

«Вот чёрт! — от души про себя сказал он, — штурмует!»

— Слышишь? — пожал ему руку Агнаев, — всю технику к себе хочет перетащить.
— Что ж давайте, давайте... Только желательно и к нам почаще в сады и на фермы заглядывать...

В тоне его голоса звучала ирония.

— Га!.. Выходит обижаем тебя?— вроде удивился Агнаев.— А где ещё так механизирована работа, как не у тебя? Батенька ты мой! Тридцать тракторов и восемнадцать комбайнов! Мало?

— Мало,— отрезал Луценко, — мало, Михаил Ильич. Вы ещё не так, как надо выполняете решения январского Пленума Центрального Комитета партии.

Агнаев встал из-за стола.

— Скажи, где у тебя прорыв? Где несвоевременно проведена работа?

— Это другая статья. Спросил бы: где ручной труд? Все ли фермы механизированы? Чем и как сады культивируешь?

— Хочешь всё сразу?

— Но и медлить нельзя. Колхозники подвесные дороги ждут, рассадосажалки, опылители. Около семи тысяч тонн силосной массы будем перерабатывать.

— Не всё сразу,— повторил Агеев. — Подвесные дороги надо. Вот «Красному казаку» направляем на новую ферму такую дорогу.

— Знаю,— буркнул Луценко,— туда больше.

Невреев расхохотался.

— Большому кораблю — большое плавание, — подзадорил он. На новой ферме и электродоильная аппаратура по последнему слову. Ты-то, Семён Васильевич, пока на старой выезжаешь.

— Цыплят по осени считают,— улыбнулся Луценко.

— Кстати, Семён Васильевич, с птицефабрикой у тебя всё решено? — спросил Агнаев.

— Да. На двадцать тысяч.

— Вот тогда, Невреев, на самом деле, поди посчитай! — весело сказал Агнаев.— Эх, товарищи, какие корабли стали у нас! Но, скажу вам: плывите! Мощных двигателей у нас хватит. И они всё прибывают и прибывают. Всё хозяйство на машину пересадим. Плывите безостановочно, как говорится, на всех парусах...

Машин на Юце действительно много, и всё же их не хватает. Таков размах. Машина прокладывает каналы, разворачивает недра земли, набивает плотины, перетягивает скирды, поит и доит коров, режет, дробит корма.

Агнаев глянул в окно. Степи стали туманно-мглистыми. На усадьбе, как всегда, рокотали тракторы. Тысяча машин должна работать в любое время года бесперебойно.

НОВАЯ ДОРОГА

Педагог Виктор Николаевич Русинов пришёл по зову партии в колхоз, и коммунисты избрали его своим секретарём.

Школьные звонки ушли в прошлое. Везде, конечно, нелёгкая работа. Там, в школе дни были наполнены беспокойством, — думал он о каждом шаге ребёнка, думал о педагогическом коллективе, но не меньше беспокойства и в колхозе — коллектив взрослых предстал перед ним со всеми своими особенностями.

День у секретаря колхозной парторганизации начинается с утренней песней жаворонка, а когда на востоке протянется первая полоска степной зари, Виктор Николаевич уже в бригаде.

...Партийное собрание вчера закончилось в полночь. Это было большое и бурное собрание сильного отряда. Рождались новые мысли, идеи, предложения. Партия бросила клич о небывалом подъёме хозяйства. «Теперь, когда в нашей стране создана мощная технически совершенная тяжёлая индустрия и значительно окрепли колхозы, имеются все условия для того, чтобы на этой базе обеспечить крутой подъём всех отраслей сельского хозяйства».

— Мы должны глубже заглянуть во все уголки нашего хозяйства,— говорил Русинов,— чтобы перейти к более организованному ведению его. Нам необходимо привлечь ещё нетронутые резервы. Основа всего — зерно. Надо изучить каждый клочок земли, что он может дать? Например на пастбищных участках мы можем дополнительно найти плодородные целинные земли и посеять пшеницу. Во многих местах у нас малопродуктивные многолетние травы, их надо пустить под посев пшеницы. Немалые резервы таятся в животноводстве, прежде всего в создании кормовой базы, как одного из главных условий развития высокопродуктивного скота.

«А самое главное — люди, — думал сейчас Русинов.— Надо быть ещё ближе к ним. Правильно критиковали коммунисты, что клубов стало много, в каждой бригаде, а работа с людьми ведётся слабо. Формализма у нас много. Отзвонил и всё. Лишь бы срок отбыть. Лишь бы в отчёт внести. Так дальше оставлять нельзя».

И вспомнился Русинову разговор с шофёром. Ехали в степь. Думал Русинов о том, как найти лучше дорогу к сердцам людей и вдруг спросил шофёра:

— Скажи-ка, любишь читать?

— Очень, — весело ответил тот,— всегда читаю. И вечерами читал много. Плохо только, Виктор Николаевич...

— Что плохо?

— Не хватает её, хорошей книги. А в бригадах вовсе нет. Всё о целине да о кукурузе, а чтоб по-настоящему интересной— мало.— Шофёр сдвинул шапку на затылок.— Я вот, Виктор Николаевич, гляжу и, кажется мне, не так дело у нас идёт. В армии, бывало, солдат с передовой пришёл, отдохнуть охота. Человек требует отдыха, интереса к себе. Тут для него и самодеятельность, и артисты, смотришь, приедут, и сам он гармонист или гопака задаст. Оно как-то и воевалось веселее. А у нас всё о работе. Соберёт агитатор и начинает: ты не дополола, ты не додоила. Я понимаю, что это надо, но людям хочется и душевного, повеселее, тогда они и работать будут лучше.

«Правда, — думал Русинов.— Жизнь должна быть широкой, разносторонней. Ведь у каждого человека есть и какие-то свои интересы, свои вкусы, свои стремления. А мы об этом мало думаем — только требуем в лоб: давай больше молока, давай увеличивай выработку. Правильные требования. Труд — главное, решающее. Но нельзя к человеку подходить односторонне. Надо видеть человека сразу всего, со всем его многообразием. Тогда и хозяйственные задачи легче будет решить... А ведь это твоя, товарищ секретарь, в первую очередь задача».

С какой серьёзностью обсуждали люди на партийном собрании решения партии, с какой придирчивостью проверяли свою деятельность — всё ли учтено, всё ли обдуманно!

— О пастбищных участках Виктор Николаевич говорил правильно. Земли там добротные. Полтысячи гектаров наберётся, не меньше. Распахем и пшеницей засеём. А что нам многолетние травы дают? Почти ничего. И там под озимку полтысячи гектаров можно найти.

— А не ударимся ли мы в крайность? Надо сделать так, чтобы и сбор сена не уменьшился. Улучшить сенокосы и пастбища. Распахать их, продисковать и подсеять травы.

— Корма прибавятся и от кукурузы. Для неё можно найти почти полтысячи гектаров. Около сотни — на свёклу, полсотни — на кормовые арбузы. Значит, и зерновые расширим и корма увеличим.

— Парников побольше надо. Людям овощи и колхозу доходы верные.

— Правильно. В прошлом году ранней весной молодую морковь и лук вдоволь курортам и рынку дали. Парники мы можем в пять раз увеличить. Надо создать такой тепличный комбинат, чтобы круглый год зелёными овощами кормить трудящихся города. При нашей электрификации это вполне осуществимо. Расширить также сады и побольше картофеля сеять... Смелее за подкумскую пойму взяться. Пойма — это золотой

клад. Сколько там земли даром гуляет! Кто же простит нашу неповоротливость? «Красный казак» на пойме берёт небывалый урожай капусты.

Неторопясь прошёл к столу коммунист Леплявченко. Жмурясь от яркого света электричества, он говорил о трудностях, о непорядках на фермах, о дисциплине. О том, что не везде одинакова активность колхозников.

— Резервы лежат ещё и там,— говорил он,— где мы молока не добираем. Неровно дела у нас идут. В одну сторону мы — всё, а в другую — почти ничего. Первая ферма — образец, а на других — этого образца днём с огнём не найдёшь. Поглядел я на шестой,— до какой жизни дожить можно! Грязь, расхлябанность. О культуре труда, о соревновании говорить нечего. Партийная организация, к стыду нашему, Виктор Николаевич, ничего не сделала и никакого там влияния не оказала, а правление почему-то с разгильдяями заведующими мирится. Один уходит, другой приходит, хрен редьки не слаще. Надо послать передовых доярок и научить, как работать, а руководство подобрать покрепче, да посолиднее.

— Вот и бери на себя, — поймал на слове Луценко.

Все рассмеялись. Улыбнулся и Леплявченко.

— А я и ездил для разведки. Душа моя не могла больше выдержать...

Вслед за Леплявченко на фермы пошло семнадцать коммунистов.

Партийная организация послала на вторую ферму коммуниста Хаханенко.

После утренней дойки Хаханенко беседовал с доярками. Русинов подошёл к ним.

— Как же это получается, товарищи женщины! — спрашивал Хаханенко у доярок. — С кормами беспорядок, рационы не соблюдают, удои плохие, в коровниках грязно.

— Так вот и получается, — ответили доярки. — Проходной двор, а не ферма... Что ни месяц — новый заведующий...

— Без хозяина и товар плачет...

— Но вы-то где? Первый день в колхозе или не знаете, как порядки наводить?

— По правде сказать, руки опустились... Разговоров много, а дела нет. Все заведующие так начинали.

— Как? — с любопытством спросил Хаханенко.

— С кормов да рационов...

— И вы с этого начинаете. Хотя бы к людям заглянули. Как они-то живут, где спят и на чём едят.

Хаханенко умолк. Он посмотрел на Русинова, как бы ища у

— Так, — сказал Русинов, — вы, женщины, правы. Правление решило строить у вас дом. Привезём кровати, столы, постели...

Женщины рассмеялись.

— Пуховые перины, может?

— Что ж, хорошо будете работать и пуховые сделаем. Гусей у нас не хватает что ли?

— Виктор Николаевич, дом когда-то будет, а радио можно и теперь провести. Живешь, как на острове. Ни газет, ни бесед. В других бригадах люди, как люди, а мы... Чи колхоз обеднял?

— Другого нам интереса нет, от цедилки до постели и обратно? За пятнадцать вёрст бегаем кино посмотреть...

Русинов заметил у одной из девушек книгу. На обложке еле различимы буквы «Спартак».

— Трактористы завезли и забыли, — с упрёком сказала девушка. — Третий раз перечитываем. Вы вот приехали, а книжек привезти не догадались.

— Да-а... — протянул Русинов. — Хорошо вы нас выхлестали и, главное, справедливо. Сегодня подвезём вам библиотеку и радиоприёмник.

Дом был выстроен в том же году, установлен радиоприёмник, привезены хорошие книги. Всё что было обещано, всё было сделано. Улучшилась работа людей, поправилось дело на ферме.

На шестую ферму, которая была примерно в таком же положении, как и вторая, вместе с коммунистом Леплявченко приехала передовая доярка Анна Сухачёва, посланная правлением для налаживания работы и передачи опыта.

— Как же так можно? — сокрушалась она. — Вы ж посмотрите. От полотенца до раздоя — всё надо начинать сначала. Вы думали молоко само рекой пойдёт? Нет, голубушки, надо к этому со всей душой относиться. На первой ферме вас бы до порога не допустили. Там чистота, опрятность. Без халата к корове не подойдёшь. Каждой капле молока учёт. Соревнуются друг перед дружкой. И кормят по норме, и доят по часам. Там на пятую тысячу перевалили. А у вас двух не наберёшь. Коровы хуже? Нет, голубушки, от нас самих всё дело зависит. От порядка...

«ХОРОШО ПРОЖИТ ГОД!»

Когда колхозы подводили итоги осенне-летних работ, мы встретились с Семёном Васильевичем Луценко.

— Хорошо прожит год, — говорил Семён Васильевич. — Поработали люди. От чистой души поработали. Не бросили слова на ветер. Что обещали партии, сделали. Взяли хороший урожай озимой пшеницы. Не так чтобы плохо получилось и в животноводстве. На гектар приходится около ста шестидесяти центнеров молока. Нина Супрунова надоила пятьдесят тонн, а Прасковья Кобец ещё больше. План по всем видам скота перевыполнен. С племенным составом у нас стало ещё крепче. Будем выращивать таких коров, как наша знаменитая Земфира, она за лактацию дала шесть тысяч литров молока... Парники увеличили в пять раз, расширили сады, огороды. В общей сложности год закончился доходом более семнадцати миллионов. Наметили построить пункт откорма свиней. На откорм будем ставить полторы тысячи ежегодно. Одним словом кое-что сделали, а ещё больше задумано.

Стремительно бежит наше время. Сколько замыслов, энергии, дерзания в наших людях!

И всё задуманное они сделают. Всё сумеют сделать.

— Соседа-то вашего теперь нет, Семён Васильевич?

— Какого соседа? — не понял Луценко.

— «Красного казака».

— А-а, да! Слились. Теперь — колхоз имени Ленина. Разросся колхоз. Ещё три артели вобрал в себя «Красный казак». Невреев воюет там...

— Значит новый беспокойный сосед у вас появился;

— Серьёзный сосед! Большой у них размах... Крепко укоренились. Хорошо! Злее будем. Веселее дело пойдёт. Своих позиций уступать не собираемся...